

Литература меняется, и мы меняемся вместе с ней. Вот и Анатолий Ананьев по прошествии лет превратился из баталлиста и деревенщика («Танки идут ромбом», «Межа», «Годы без войны») в историка и философа («Скрижали и колокола», «Лики бессмертной власти», «Призвание Рюриковичей»). Взгляд Ананьева на историю своеобразен. Однако право на свой взгляд писатель имеет. Хотя бы потому, что ситуация в стране тоже поменялась. Обострились вопросы: «Кто мы? Что с нами происходит? Куда мы идем?». Все эти вопросы звучат со страниц книг. Но сначала все то, что оказывается в книгах, «обкатывается» в толстых журналах. С вопроса о журналах мы и начали нашу беседу с известным писателем.

— Анатолий Андреевич! Сейчас в России и русском зарубежье выходит много хороших и разных литературных журналов. Каждый старается занять в литературном иконостасе какую-то нишу. Какую нишу, по вашему мнению, занимает нынешний «Октябрь»?

— Конечно, своя ниша у нас есть. Если бы ее не было, «Октябрь» превратился бы в безликий журнал и потерял подписчиков. У нас же серьезный и стабильный подписчик — всегда в районе десяти тысяч. Это говорит о том, что журнал востребован читателями, что он имеет свое лицо. Мы придерживаемся классической формулы, которая выведена еще Карамзиным. Он впервые создал журнал, в котором было четыре раздела: проза, поэзия, критика и публицистика. Этот его «Московский журнал» просуществовал недолго, его закрыли, потому что в нем появились либеральные идеи. Вообще в России либеральные идеи всегда проводились через журналы. Толстый литературный журнал — уникальное российское явление. В прошлом веке лицо журнала определялось личностью главного редактора. После революции журналы все были одноликие, только Твардовский пытался изменить к лучшему «Новый мир», да еще Симонов — то одного снимали, то другого. А теперь мы опять вернулись в XIX век в хорошем смысле слова, и опять личность главного редактора играет свою роль.

— И все-таки: какова ваша линия? — Я придерживаюсь линии классики. Я считаю, что журнал должен нести «стержневую» духовность, современную и историческую. Вокруг нее может находиться и модернизм, но главное — чтобы был народный «стержень». Его мы и стараемся придерживаться — на фоне всех этих боевиков, всевозможных авантюристических романов. С начала перестройки мы продержались десять лет, не свернули с этого пути.

— В 60—70-е годы «Октябрь» считался оплотом литературного консерватизма и реакции. «Октябрь» уже не тот? Когда и как этот однозвонный имидж был преодолен?

— Это для нас история уже давняя. Когда «Октябрь» только начинался, он был очень прогрессивным. Главным редактором тогда был Фадеев, потом Серафимович, потом надолго пришел Панфилов, после войны под его руководством журнал стал ортодоксально-коммунистическим, а потом появился Кочетов — и вовсе! И, конечно, вокруг Кочетова собрались все ортодоксы в редколлегии. А когда меня назначили главным редактором, я стал потихоньку разгребать редколлегию. Мне сказали: «Не трогайте стариков — Бабаевского, Первенцева...». Но я не послушался и вывел их — потихоньку, по одному... В семидесятые годы я опубликовал «Тяжелый песок» Анатолия Рыбакова. Потом, уже в годы перестройки, — «Жизнь и судьбу» Василия Гроссмана. Считаю, что это толстовской силы роман. Мне говорили: «Как можно сравнить!» А Гроссман впервые поставил на одну доску фашизм и коммунизм. Это две идеологии мирового господства, но первая базируется на подавлении и уничтожении других народов, а вторая — на подавлении и уничтожении своего народа. Но они близки по духу, и Гроссман это первый сказал. Вот так становился на ноги журнал, так менялось его лицо. И

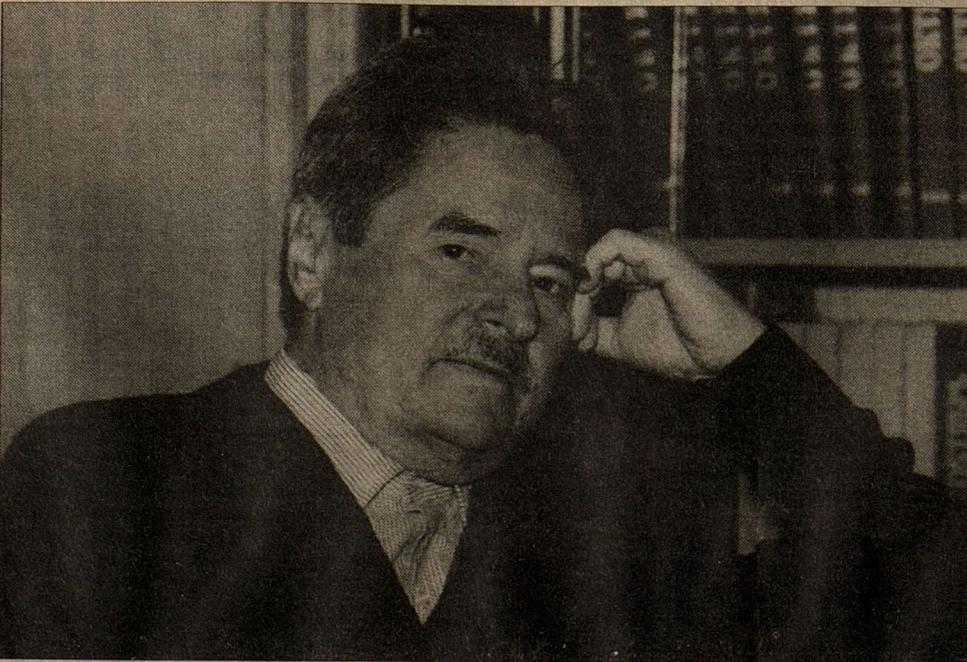
сегодня у нас свой, особый круг авторов, если заметили. И петушинные крики от нас далеко, и всякая эротика нас не устраивает, потому что в русской литературе должна быть духовность.

— Что вы подразумеваете под духовностью? Вы связываете это понятие с религией?

— Нет... Я думаю так: человек всегда стремился к основательности жизни, к достатку, хотел иметь семью, детей. Вот

Анатолий АНАНЬЕВ:

«ПИШУ ИСТОРИЮ ОТ ИМЕНИ НАРОДА»

эти здоровые стремления и есть духовность. Ошибочно думать, что духовны те, кто малюет что-то или пишет. Нет, это — квинтэссенция, а духовность рождается «ниже этажом».

— Но духовность — идеологическое понятие. Значит, критерии отбора материалов для журнала — не только эстетические?

— Наш критерий: все, что прекрасно, что хорошо, что соответствует «стержневой» духовности, — то и прекрасно. Неважно, каким стилем написано, главное, чтобы это было в русле народной русской государственности, русской исторической духовности народа. А это может быть все, что угодно, даже модернизм. Лишь бы не графомания.

— Не боитесь ли вы, сталкивая на страницах одного номера мнения авторов из разных эстетических лагерей — например, Вячеслава Курицына и Павла Басинского, — навлечь на себя упреки в эклектичности?

— Не боимся. Вы почитайте, вникните — они в одном русле. Они оба говорят о духовности. Один смотрит с этой стороны, другой с той, но на ту же точку. Они не смотрят на Эйфелеву башню или небоскребы Нью-Йорка, они ориентируются на Россию. Поэтому это просто кажущаяся противоположность — они на один объект смотрят с двух сторон.

— Есть у вас любимые авторы «Октября» — не как у главного редактора, а как у читателя?

— Я люблю всех, кого печатаю. А если поименно, то считаю, что не только мой любимый, но и один из ведущих поэтов сегодня в России — это Юнна Мориц. Мы открыли Алексея Варламова, опубликовали его первый рассказ, он прекрасный писатель, его очень люблю. Еще я люблю Олега Павлова. «Независимая газета» на него нападает, а мне нравится в его прозе хорошее сочетание классического стиля и современности. Есть еще Петр Алешкин, Анатолий Найман... Но это не значит, что я люблю только их и больше ничего не читаю. Вот, бывает, рукопись придет по почте никому неизвестный автор, и я напечатать, если мне нравится, как это написано.

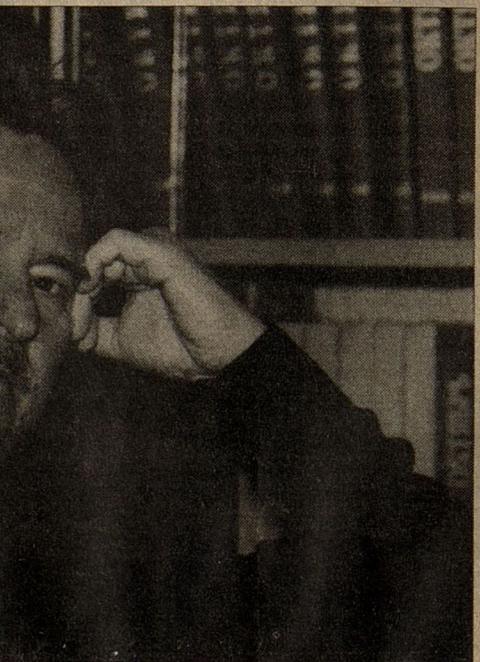
— Что, по-вашему, более престижно сейчас — опубликоваться в авторитетнейшем толстом журнале или, скажем, в серии современной прозы «ВАГРИУ-

Са»? Ведь сейчас, кажется, существует пропасть между журналом и книгой. Например, какое-нибудь произведение при журнальной публикации остается незамеченным, а выходит отдельным изданием — и находит одобрение критики. Или же с точностью до наоборот.

— Противоречия нет, одно другому не мешает. Тем более «ВАГРИУС». Мы с ними в очень хороших отношениях, и кое-что из публикуемого нами в журнале они

Кн. обзрения — 1999 — 4 окт. — с. 5

«ПИШУ ИСТОРИЮ ОТ ИМЕНИ НАРОДА»

издают отдельными книгами. Не все, но лучшую часть они забирают. Это очень мудрое издательство — они берут молодых печатать, не боятся. Так помимо «ВАГРИУСа» поступают еще два хороших, на мой взгляд, издательства — «Голос» и «Новости». Еще «Терра». Но «Терра» — более классическое, монументальное издательство.

— Ваша последняя книга — «Призвание Рюриковичей, или Тысячелетняя загадка России» — о древнейшей истории нашей страны. На 2000 год в журнале «Октябрь» анонсирована уже третья часть этой эпопеи. Как бы вы вкратце сформулировали свою историческую концепцию? В чем ее отличие от концепций других исследователей русской истории?

— Концепция? Это не так-то просто... Я могу лишь сказать, что меня волновало в самом начале пути, когда я прикоснулся к истории. Колыбель цивилизации — Египет, фараоны и рабы. Кто мог выйти из этой колыбели? Какую цивилизацию могло дать государственное устройство? Только — фараоны и рабы. Идем дальше. Греция, Рим, средневековая Европа... Наконец, сегодняшний мир. И я вдруг понял, что фараоны и рабы — то есть этот строй просуществовал до нашего времени — со времен Древнего Царства. Так в чем же суть цивилизации? В чем прогресс? И я стал изучать историю. Итогом этого двадцатилетнего изучения явились книги: «Лики бессмертной власти» и «Призвание Рюриковичей, или Тысячелетняя загадка России». Первый том «Рюриковичей...» уже вышел, второй на выходе, третий пишу. Это не ревизия истории — я хочу разобраться в ней.

Кстати, академик Сигурд Шмидт, прочитав мою книгу «Лики бессмертной власти», сказал, что пришел писатель в историю и распахнул мир. Колбин, член-корреспондент Академии наук, тоже заинтересовался моими историческими работами и написал мне письмо. Их оценки мне были очень важны. То, что я пишу, во многом не совпадает с официальной историей. Вся наша история, начиная с Карамзина и Соловьева, — история дворянства. И история Костомарова в портретах выдающихся деятелей тоже отдает дворянским видением. Роль личности в истории — да, но где же роль народа? Почему «народ безмолвствует»? Народ остался

за бортом у Карамзина, остался за бортом у Соловьева, остался за бортом у Костомарова. И я сказал себе: «Кто же посмотрит на историю с позиций народа?» Первую историческую книгу, «Ивана Грозного», я написал от имени народа. Кстати, в «Книжном обозрении» была интересная рецензия на эту книгу. Там было написано что-то вроде: «Наградить автора высшей наградой или изгнать его из государства — за то, что он пишет правду». И другая статья была в «Книжном обозрении»: «Как так, что это за «народная история»? Остальные, что — не народные?» Но потом упреки смолкли. Да, они — не народные, потому что писались дворянами. Я с Солженицыным не встречался, но читал его и слушал, и он не раз говорил, что история наша перевернута от начала до конца. Так что я чувствую его поддержку. И с историком Моисеевым, хотя ни научные, ни творческие пути наши не пересекались, мы пришли к одному и тому же выводу: цивилизация зашла в тупик, и нужно вновь обратиться к основам народной жизни. В конце концов, Русь и славяне — это разные вещи. Славяне (анты, венеды, сербы, белые хорваты, мордва) издревле занимали огромную территорию от Днепра до Рейна. Греческие историки относят к восточным славянам племена антов и венедов. Затем они разделились на полян, древлян, родимичей, кривичей и т.д. Издревне славяне подвергались нашествиям варягов с севера. Варяжские дружины приходили с мечом и взимали дань. Эти дружины назывались «русью». Поэтому когда пришли Рюриковичи «со всей русью», то они и назвали славянскую территорию Русью (Русь Киевская). В какой-то мере это напоминает США, где народ называет себя американцами, но такой нации нет, а есть французы, немцы, англичане и т.д. Так и мы именуем себя русскими (россиянами), но эта общность состоит из татар, мордвы, славян и т.д. Это должно говорить нам о многом.

— В ваших последних романах вы, кажется, выступаете больше как историк, ученый, а не писатель...

— Если бы я хотел пойти в академики, я бы написал диссертацию, но я — не ученый-историк. В советские времена я бы не смог написать ту историю, которую сейчас пишу. Да мне и незачем было заниматься наукой — я писал романы, и это приносило мне определенное удовлетворение.

— Как вы вообще относитесь к идее социализма? Коммунисты ее извратили, или она сама по себе утопична, на ваш взгляд?

— Нет, она не утопична. Если к идее социализма возвращаться по-серьезному, то нужно возвращаться очень глубоко в историю, до классового расслоения. По официальной версии, было доклассовое общество, первобытное, а уж история началась с классового общества. Но это далеко не так. Документы говорят, что классовое расслоение начиналось, когда нравственность, положенная в основу общественных отношений, перестала быть необходимой для того, чтобы выжить.

Документы свидетельствуют, что четыре тысячи лет назад до нашей эры греки решили посмотреть, что лежит севернее их, перешли Дунай и попали в сказочную страну гипербореев, где не было ни рабства, ни царизма, ни войн, ни разбоев и каждый имел достаточно средств для жизнеобеспечения. Они написали об этом, но документ долгое время пребывал в забвении. А ведь это альтернатива хищнической цивилизации. Вот где начало социальных идей! Такие идеи не умирают. Мы все тянемся к чему-то добром, хотим демократии, свободы, тянемся к тому идиллическому миру, который в истории был подавлен хищнической цивилизацией «фараоны — рабы». Не сохранились документы эпохи классового расслоения — все сожжено, все уничтожено, чтобы памяти не было. Почему? Люди жили дружно — и вдруг решили избрать себе царей! Это чудь. И я не случайно поставил подзаголовок ко второму тому — «Противостояние». Противостояние двух миров. Нас мучает ностальгия, ощущение, будто мы что-то освоенное, стержневое утратили. Ностальгия неслучайна — она как эхо народной памяти, передается из прошлого.

Беседовала Надежда ГОРЛОВА

Анатолий Ананьев

4.10.99